

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

«Жизнь» — августъ.

Ш *)

Мы въ долгу передъ нашими читателями.

На протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ недостатокъ мѣста лишалъ насъ возможности поговорить о новомъ ежемѣсячномъ журналѣ «Жизнь», а между тѣмъ, журналъ этотъ — чрезвычайно любопытное явленіе послѣдняго времени.

Въ немъ вы можете встрѣтить и рассказы съ чисто народническими тенденціями, и повѣсть, восхваляющую силу капитала, и статью, разгромляющую эту «силу», и декадентское произведеніе.

Получается поразительная нестрога, совмѣщеніе несомвѣстимаго, идейный сумбуръ.

Такъ, въ послѣдней книжкѣ находимъ слѣдующія сочетанія.

А. Барановъ въ наброскѣ «Скитальцы» вяло рассказываетъ о своихъ короткихъ, совсѣмъ неинтересныхъ скитаніяхъ среди поволжскаго рабочаго люда и сентиментально восклицаетъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ:

— Да... родина... Она тянеть... Я, вотъ, тоже, гдѣ ни хожу, а все въ, свою деревню попадаю...

За г. Барановымъ — несомнѣнно *народникомъ*, судя по другимъ его произведеніямъ, помѣщеннымъ въ казанскихъ газетахъ, — шестуется чистѣйшій декадентъ В. Б., воспѣвающий «Сонъ лиліи»:

«Качая свой дѣвственный вѣнчикъ
Надъ *тихой грудью* пруда,
Тамъ лилія дремлетъ, какъ *птенчикъ*,
Въ объятяхъ родного гнѣзда.
Ей снится, что чудная сила
Ее унесла въ высоту
И бѣлыя крылья развила
Подъ ней широко полету.
И трепеть *произительно* знойный
Ей въ самое сердце проникъ,
И голосъ плѣнительно стройный
Изъ чаши беззвучной возникъ».

Дальше всю эту удивительную исторію можно рассказать прозою.

Объятая волшебнымъ сномъ въ безбрежныхъ воздушныхъ пространствахъ, лилія поплыла на бѣлоснѣжныхъ крыльяхъ, напоминая царственнаго лебедя. Пѣсня ея была полна и сладостью печальной, и страстью пропальной.

Кончается эта галиматья такимъ аккордомъ:

«И звуки слабѣютъ и стонуть,
И *гаснутъ* въ ночной тишинѣ,
И крылья *безпомощно тонутъ*
Въ *лыливой и вялой волнѣ*».

Читая сію стишину, вы въ свою очередь вдохновляетесь и затягиваете:

Качая свой дѣвственный вѣнчикъ
Надъ *тихой грудью* пруда,
Сидитъ декадентъ тамъ, какъ *птенчикъ*,
И будетъ сидѣть онъ всегда.
Стихи его — вязкая тина
Съ прибавкою старыхъ мочалъ,
Въ мозгахъ завелась наугина
И жидкій дешевый крахмаль.

Идя дальне, наталкиваемся на стихотвореніе В. Г., лишенное заглавія. Оно болѣе удобоповятно, чѣмъ «Сонъ лиліи», но также не-

реполнено оскорбляющей слухъ напыщенною.

Все дѣло въ томъ, что В. Г., утомляя жизнь и мелочной борьбой, отдыхаетъ тако ночью, ибо ночью его посѣщаютъ благодѣйны сны, которые, какъ извѣстно, всегда дѣла сѣренькой тошнотной дѣйствительности.

Тема крайне незамысловатая, но В. Г. умудрился разработать ее такимъ образомъ:

«Когда умолкнетъ день назойливо крикливъ,
И ночь, ведя съ собой толму эфирныхъ сновъ,
Неслышно внизъ сойдетъ и съ лаской малой

Разстелетъ надъ землею свой сумрачный покровъ,
Съ волною сумрака въ окно мое влестаетъ
Нсуловимъ и гость, безплотный, ле кий богъ»

И т. д. и т. д., включительно до полной им-матической и логической несообразности:

«Я жадно ночи жаду спокойной и свободой,
Обвитый сумракомъ, какъ ризою голубой.»

Со стороны версификаціи и размѣра въ этихъ стихотвореніи все безупречно, но неужели людямъ начинающимъ поэтамъ не надобно трепать «эфирные сны», «безплотныхъ боговъ», «трепетныя крылья», «внереніе очей», «таинственныя нѣдра», «туманъ смутныхъ грезъ», «сладкій аромать», «мягкія слезы», «голубыя ризы»?

Вѣдь это *ложь*, анахронизмы, мечтатель-сентиментальное шутство. Чѣмъ выше встѣпческое чувство, чѣмъ сильнѣе порывъ страданія и творчества, тѣмъ проще, выпукльѣ, рѣзче долженъ быть языкъ.

Умышленно ритмованныя движенія, при-тупно-слащавыя эпитеты, какъ всякая разсчитанная перцепція, заставляютъ предполагать, что поэтъ не чувствуетъ, не страдаетъ подъ напы-вомъ горькихъ думъ, а просто-напросто *саи-няетъ*, выдумываетъ поэмы и слова.

Этимъ нарушается принципъ творческой граціозности и правды.

Но идемъ дальше.

На страницахъ 189—229 журнала помѣщено продолженіе новой повѣсти г. Горькаго—«*Ома Гордѣевъ*».

Мы усердно читали всѣ прежніе выписки журнала и всѣ «продолженія» повѣсти неумо-нимаго бытописателя, вдумывались въ каждую ея деталь, анализировали душевныя эссенціи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и сказали себѣ:

— Молодецъ!

Молодецъ «*Ома Гордѣевъ*».

Думая надъ смысломъ и цѣлью жизни, онъ не задумывается, а задумавшись—*не думаютъ*.

«*Ома Гордѣевъ*»—это, изволите-ли видѣть, новое купеческое поколѣніе, которому начина-етъ претить стяжаніе отцовъ.

Могучіе, реброкрушительныя, стоеросовыя, но слабые по части мозговыхъ эволюцій и книж-ной грамоты, *Ома* да *Ерема* начинаютъ тос-ковать, метаться изъ стороны въ сторону, пить до умопомраченія, устраивать скандалы съ по-топленіемъ въ Волгѣ пьяныхъ дѣвицъ легкаго чтенія и произносить нечленораздѣльныя сло-веса:

— Что такое эфта самая жисть? Одно пу-стое слово и болѣе ничего! Посему ты, стерва, пошла вонъ... прочь! Другой бы тебѣ за это голову расколотилъ... А ты знаешь, что я сми-рень съ вами и не поднимается рука у меня на вашу сестру... Выгоните ее къ черту!

И запутавшійся въ противорѣчіяхъ *Ома* жа-рится по всѣмъ: устраиваетъ гомерическіе куте-жи, заводитъ знакомство съ разной негодью, горстями разбрасываетъ накопленное покойнымъ отцомъ золото, всячески скандалить, а г. Горь-кій, по обыкновенію, все это въ памятную книжку записываетъ да читателямъ журнала «*Жизнь*» докладываетъ.

Философія *Ома* и г. Горькаго не высокаго разбора: всѣ куда то рвутся, наживаютъ, оби-раютъ, хватаютъ другъ друга за горло, пакост-ничаютъ, а для чего все это—никто опредѣлен-но не знаетъ.

Купецъ, чиновникъ, актеръ, художникъ, пи-сатель, наборщикъ—всѣ мятутся въ стчаянной сутолокѣ, причиняютъ страданія и сами стра-даютъ, а затѣмъ болѣзнь, смерть—и остается отъ человѣка одно пустое мѣсто.

Тутъ что ни слово, то *истина*, но истина старая, какъ наша грѣшная планета, ровнѣ ни-чего не выигрывающая въ размашистыхъ обо-щеніяхъ г. Горькаго, нагромождающаго одно противорѣчіе на другое.

Отчего страдаетъ *Ома Гордѣевъ*?

Отъ *незнанія*, отъ отсутствія подготовки, отъ неумѣнія разобраться въ самыхъ примитивныхъ «чувствованіяхъ».

Жизнь—сплошная борьба и трудъ, а чтобы вести борьбу, *отражая эпоизмъ альтруизмомъ*, и отправлять тотъ или другой полезный трудъ, нужно умственное развитие, нужно *незлѣбіе*, нуж-

на любовь къ людямъ,—настоящая, не кабинетная, не выдуманная любовь...

Кто силенъ, богатъ, уменъ, для того не можетъ быть вопроса:

— Что дѣлать и какъ дѣлать?

Окружающая грязь, неоглядное море нужды и страданія—самая подходящая арена для приложенія средствъ и силъ.

Наконецъ, наука, книги, искусство заключаютъ въ себѣ столько неразрѣшенныхъ вопросовъ и тайнъ, что милліоны Гордѣвыхъ могутъ заполнить ими свое раздвоившееся существованіе.

Для просвѣтленія Оомы Гордѣва мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ «Очеркъ морали» М. Гюйо. Въ главѣ «Существованіе нѣкотораго безличнаго долга, создаваемаго самой способностью дѣйствовать» Оома Гордѣвъ и г. Горькій прочтутъ слѣдующія знаменательныя слова: «То, что есть истиннаго и глубокаго въ *неудовлетворительно выясненномъ* понятіи долга, можетъ быть удержано даже послѣ того очищенія, которому подвергла его наша воля. Долгъ можетъ быть сведенъ на сознаніе известной *внутренней* мощи, по природѣ своей превосходящей *есть прочія* силы. Внутренно почувствовать то наибольшее, что мы *способны* сдѣлать, значитъ тѣмъ самымъ впервые сознать то, что мы *должны* сдѣлать. Долгъ, если стать на почву фактовъ и откинуть метафизическія понятія, есть изобиліе жизни, *которая рвется наружу, хочетъ отдаться*. Слишкомъ склонны были доселѣ истолковывать его какъ чувство *необходимости* или *принужденія*, а между тѣмъ это прежде всего чувство *мощи*. Всякая накопляющаяся сила оказываетъ давленіе на поставленныя препятствія; всякая мощь, разсматриваемая обособлено, создаетъ родъ пропорціональнаго ей *долга*: кто можетъ дѣйствовать, тотъ *долженъ* дѣйствовать».

Выводъ изъ сказаннаго таковъ:

— Жизнь можетъ сохраняться не иначе, какъ подъ условіемъ распространенія и *активнаго созидательнаго дѣйствія*.

Съ этой точки зрѣнія, которую вельзя не признать правильной, всѣ дѣйствія Оомы Гордѣва являются слѣдствіемъ недомыслія и непониманія долга.

Та же точка зрѣнія обязываетъ сказать, что и философскія сентенціи г. Горькаго—слѣдствіе противорѣчія и непониманія долга.

Если все въ жизни вздоръ, путаница, легкомысліе, то позвольте спросить васъ, г. Горькій, для чего вы пишете повѣсти и рассказы? На какому праву вы, ни въ чемъ не открывши «смысла», поучаете другихъ? Съ какой стати вы вязываете тяжелыя вериги другимъ, изнывая подъ давленіемъ даже обыкновенной соломки? Оговариваемся:—это логическій выводъ изъ вашихъ, г. Горькій, посылокъ и только.

Безсиліе не празднуетъ побѣды, а лѣнь, желаніе найти полезное примѣненіе для избытка силъ нуждаются въ сатиру и карикатурѣ.

Байронизмъ и беллетристическіе ажурныя узоры здѣсь не у мѣста...

Потомъ вы, г. Горькій, прямо противорѣчите себѣ: въ рассказѣ «Бывшіе люди» вы злобно продергиваете богача и его сына, а въ повѣсти «Оома Гордѣвъ» открыто протезируете обидѣвшему отъ праздности и избытковъ купеческому недорослю.

Гдѣ же послѣдовательность?

Если это точное выполненіе марксистской программы, то вамъ слѣдуетъ поставить крестъ надъ всѣми «бывшими людьми», ибо Гордѣва—враги «бывшихъ людей»...

Еще потомъ—вы, расписывая душевныя извѣщанія Оомы, какъ результатъ *недоразвитія*, забываете, что подростающее купеческое поколѣніе самымъ исправнымъ образомъ учится въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, политехникумахъ, университетахъ.

Для него открыты въ переживаемое время всѣ дороги, и если обалдѣлые Оомы съ Еремами продолжаютъ купать въ шампанскомъ московскихъ дѣвицъ легкаго чтенія, то *жизнь* тутъ рѣшительно не при чемъ.

Она сама по себѣ, а Оомы съ Еремами—сами по себѣ.

Вотъ все, что намъ удалось извлечь изъ новаго произведенія г. Горькаго, не знакомаго, по видимому, ни съ одной изъ философскихъ системъ, дѣйствующаго все больше вутромъ, а потому вѣчно ноющаго и впадающаго въ противорѣчія.

Чтобы поучать при помощи рассказовъ и повѣстей, нужно выработать опредѣленное міросозерцаніе и не влиять между двумя общественными группами.